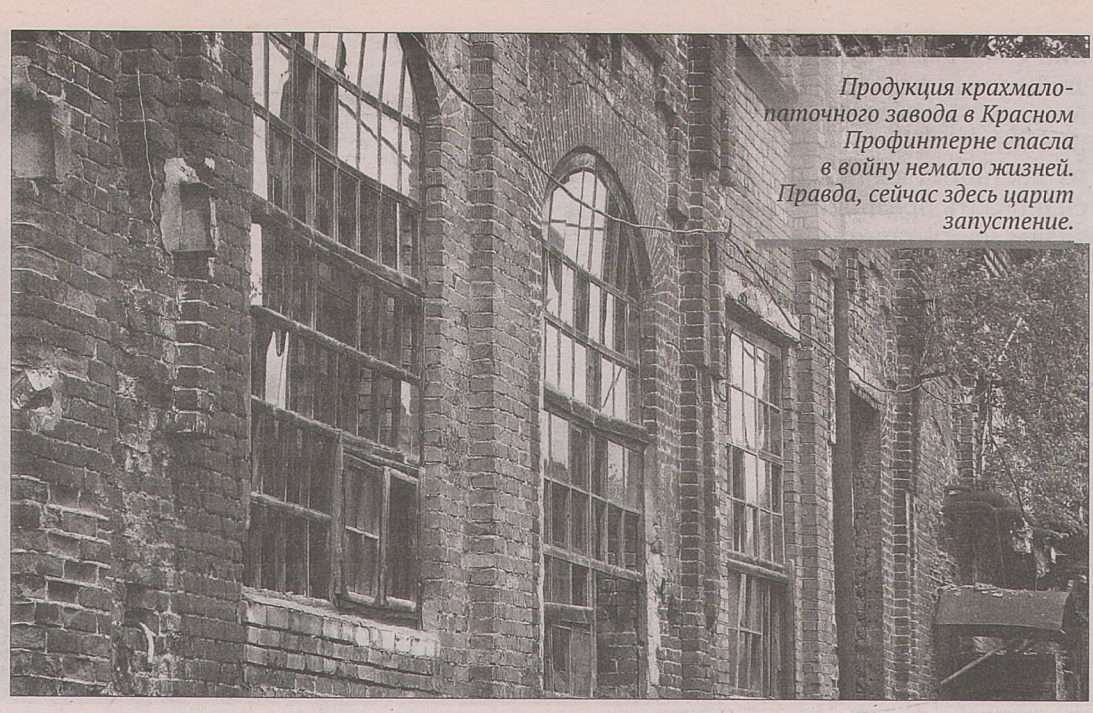
Большинству из нас детство подарило самые яркие, теплые и светлые воспоминания – о любимой игрушке, семейной поездке, веселом празднике или неожиданном подарке. Но особенно ценны воспоминания о каждом счастливом мгновении, если детство пришлось на сложное время. В преддверии 75-летия Победы в Великой Отечественной войне «Северный край» начинает цикл публикаций «Недетские истории» по воспоминаниям детей войны.



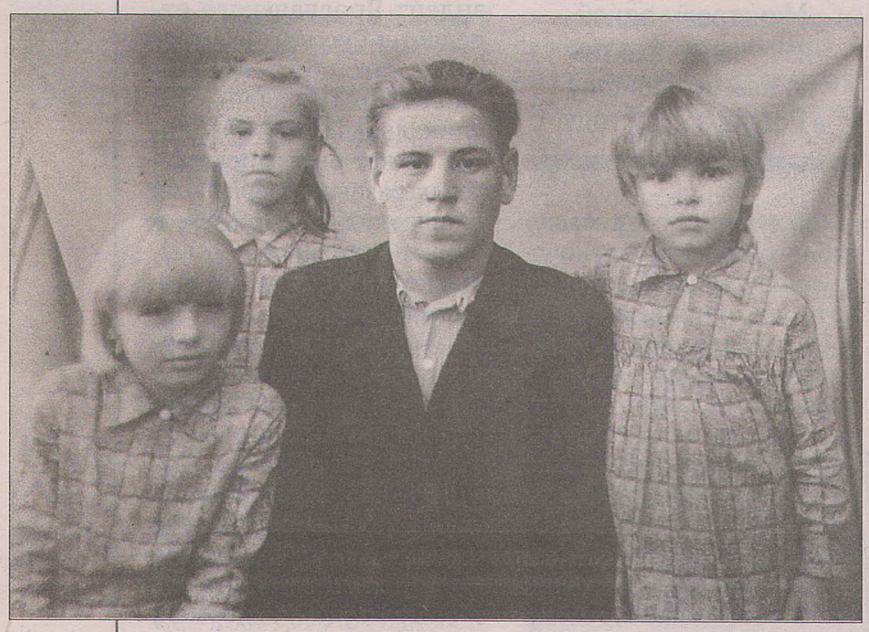
Продукция крахмало-паточного завода в Красном Профинтерне спасла в войну немало жизней. Правда, сейчас здесь царит запустение.

Недетские истории

Начало лета 1941 года для трехлетней Лиды, в будущем Лидии Алексеевны Ершовой, было безоблачным. Рядом двухлетняя сестра Вера, мама Аня и папа Леша, совсем скоро в семье должен был появиться еще один ребенок. Ждали счастья. А дождались войну.

«РВОТИКИ»

В сентябре Лида отметила свой четвертый день рождения. Это был последний праздник в ближайшие пять лет, когда папа был рядом. В декабре 41-го его сразу после рождения сестры Вали забрали на фронт.



Лида (слева в верхнем ряду) со своими сестрами и дядей.

– Мое самое первое воспоминание, связанное с войной: стою у окна и плачу, смотря, как папа садится в сани и его увозят из Сватково (деревня в Некрасовском районе – *прим. авт.*), – словно вернувшись обратно в прошлое, рассказывает Лидия Алексеевна.

Долго горевать было некогда. В деревне на 50 домов остались одни женщины, дети и несколько стариков, которых не призвали на фронт из-за возраста. Вся работа свалилась на подростков и женские плечи. Мать Лиды вышла на работу в овчарню, с новорожденной Валей нянчилась девочка-подросток, родственница из соседней деревни.

– Люди тогда сплоченнее были. Горе, радость делили между собой. Мама была очень добрая, старалась помогать всем, чем могла, поэтому к нам часто соседки прибегали. Придет письмо – все у нас собирались, читали, радовались – живой. Похоронка придет – у нас сидят, плачут, горе на всех делят, – неторопливо рассказывает Лидия Ершова.

Пришла похоронка и в семью напарницы матери Лиды. Женщина осталась с тремя сыновьями на руках, дочь к тому времени жила в Ярославле. Еды в доме не было, и нередко дети приходили к матери в овчарню, где она варила овцам мелкую картошку, выделенную совхозом для животных. Женщина доставала из котла картофелины и давала своим детям.

В соседнем доме жила семья: отец на фронте, дома мать с пятью ребятишками. Вскоре пришла похоронка. Как-то маленькая Лида забежала к ним в дом: дети сидели на длинных лавках за огромным столом, на середине которого стояла большая миска с молоком и накрошенным в него хлебом. Один за другим ребятишки опускали в блюдо ложки и хлебали этот «суп». Корова, которая осталась у семьи, спасла в те годы шесть жизней.

– В 18 километрах от нашей деревни на Профинтерне был картофеле-паточный завод. Там делали патоку и крахмал. Отходы производства разбирали жители окрестных деревень. Уж не знаю, за деньги их покупали взрослые или нет, но когда в доме появлялся этот желтый порошок – «гелютень», – мама пекла из него оладьи. Мы их наедимся и тут же из-за стола бежим на улицу, потому что рвало. Знаем, что так будет, и все равно едим, кушать хочется. Мы так и звали эти оладьи – «рвотики», – вспоминает Лидия Ершова. – Лучше всего было весной. Сначала на колхозных полях выкапывали мороженую картошку, которую не успели собрать по осени. Ее перетирали и делали каши. От картошки не тошнило. Потом появлялась съедобная трава – и это была радость.

Семью Лиды поддерживала тетка, сестра матери, которая трудилась в девичьей тракторной бригаде. За работу с девчатами расплачивались зерном, которым они делились с родственниками. Помогала и бабушка, мать отца, растившая сыновей-подростков в соседнем Вятском, периодически присылая молоко и лепешки, соседи передавали мед.

– Люди помогали друг другу. У нас мельница была, там работал дядя Саша. В начальную школу мы ходили в соседнюю деревню – это два километра от нас. Дорога шла как раз мимо мельницы. Возьмем в дорогу по кусочку хлеба и к мельнику: «Дядя Саша, дядя Саша, помажь нам маслом хлебушек». А на мельнице не только зерно мололи, но и масло льняное отжимали. Он нам и хлеб намажет маслом, и кусочек жмыха спрессованного даст, – вспоминает ярославна. – И мы идем дорогой и грызем его. И это было таким лакомством! А другой раз даст бутылку с маслом и скажет: «Отнесите матери». Принесем – и праздник в доме.

«БАБЫ, У МЕНЯ ЛИДА ПОЛ МОЕТ»

Домашние дела, уход за огородом дети старались взять на себя.

–Как-то стою я дома, на пол смотрю, а он грязный – мама-то на работе пропадает. Решила помыть. Натаскала с реки воды, разлила, потерла песком и железной щеткой, а как вытереть – не знаю, сил отжать тряпку не хватает. Тут-то меня мама и застала. То на меня посмотрит, то на воду, то на ведро, а у самой по щекам слезы текут. Она только вышла и на улицу причитает: «Бабы, у меня Лида пол моет». Так я научилась мыть полы, – говорит Лидия Алексеевна.

А к пяти годам Лида научилась вязать. Вместе с женщинами сидела по вечерам и вязала на фронт носки и трехпалые рукавицы. К шести годам девочка стала нянькой для младшей сестры. Мать приходила на обед с овчарни домой. В какой-то раз Лида отпросилась у нее вместе с сестрой покупаться, но на реку не пошли. А отправились за молоком к бабушке в Вятское, что в нескольких километрах. Очень хотели маме помочь. А пока ходили, мать сбилась с ног в поисках детей: оббежала весь берег реки.

– К бабушке мы пришли грязные и замерзшие. В это время у нее жила сестра, эвакуированная из блокадного Ленинграда. Увидев нас, они стали ругать мать, отпустившую нас в таком виде, но молока налили и дали лепешек с собой. В обратную дорогу тетка пошла нас провожать. На середине пути встретили мать, вот тут-то правда и вскрылась, что мы сами убежали, – вспоминает Лидия Алексеевна.

Девочек за обман наказали: лишили меда, которым как раз угостили соседи.

Взрослеть приходилось рано всем. Вере, младшей сестре Лиды, 23 сентября должно было исполниться 7 лет, и она донимала мать вопросами, пойдет ли учиться. Мама говорила, что да, но конкретных сроков не называла. Вера решила взять дело в свои руки и летом сама записала себя в 1 класс. Наступил сентябрь, и только тогда об этом узнали дома.

– Мама не хотела ее отпускать учиться, даже в сельсовете, куда ее вызвали для объяснений, пыталась доказать, что ребенок еще маленький. Но никто не послушал. В Верином свидетельстве дату рождения переправили на 5 сентября и отправили в школу. А после двух недель учебы сестра пришла и заявила: «Мама, я две недели в школу проходила, хватит», – улыбается Лидия Алексеевна.

СПАСИБО, ЧТО ЖИВОЙ

На фронт в 41-м ушел не только отец Лиды, но и один из его братьев. Второму брату, Федору, на момент начала войны не было 18, его отправили рыть окопы под Москвой. Он попал в окружение, а вскоре домой пришла телеграмма – пропал без вести. Никто уже не чаял его увидеть, но чудо произошло.

– Я в тот день была у бабушки, сидела на лавке и смотрела, как она пол моет. Сижу, ногами качаю и вдруг говорю: «Сегодня кока (а Федор был моим крестным) придет, – вспоминает Лидия Алексеевна. – Бабушка только отмахнулась, назвала меня болтушкой. А я еще увереннее: «Придет». Около полуночи в дом постучали, на пороге был Федор.

Через несколько месяцев после этого случая ему исполнилось 18 лет. Федора призвали. Перед его уходом на фронт бабушка дала ему бумажку с написанной молитвой и наказала, чтобы она лежала в кармане гимнастерки у сердца. На бумажке она написала 90-й псалом, как я потом узнала. К концу войны похоронки пришли почти в каждый дом. А к бабушке Лиды все трое сыновей вернулись домой живыми, правда, ранеными. Отцу Лиды навылет прострелили плечо, а его братьев ранили в лодыж-

ки, и до конца жизни оба хромали.

Еще одного брата отца Лиды во время войны отправили учиться в ремесленное училище при судостроительном заводе. Через месяц юноша сбежал домой. А на все уговоры объяснить причину побега молчал как партизан.

– За побег из училища дали ему полгода. Потом мы узнали, что мальчишек заманивали в воровскую шайку, наш сбежал. Эти парни так озверели, что приехали в деревню и убили женщину, а дом ограбили, – рассказывает Лидия Ершова. – Шайка скрылась в лесу по дороге из деревни на Профинтерн и периодически грабила прохожих, которые шли на завод за «гелютенем».

НА ЗАЩИТЕ ЯРОСЛАВЛЯ

Налет немецкой авиации на Ярославль навсегда остался в памяти Лидии Алексеевны. Деревня располагалась в 35 километрах от областного центра, и когда летчики сбросили бомбы – жители перепугались. Детей похватали в охапки, все оделись потеплее и сидели дома, в любой момент готовые бежать в лес.

– У нас дом стоял лицом к Ярославлю, и нам было хорошо видно, как над городом поднималось огненное зарево. 120 девушек-зенитчиц тогда отстояли железнодорожный мост, а сами погибли. Большинство снарядов упало на территорию современного шинного завода, – вспоминает Лидия Алексеевна.

Краеведы говорят, что первый авиационный налет на Ярославль произошел 6 ноября 1941 года. Тогда 13 бомбардировщиков сбросили на город 97 фугасных бомб. За железнодорожным мостом летчики и вовсе открыли настоящую «охоту». По нему двигались составы, которые доставляли обмундирование и необходимые боеприпасы. Именно поэтому мост отчаянно защищали, используя светомаскировку, аэростаты и зенитные орудия.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Трое детей, 10 внуков и 13 правнуков, а 14-й должен вот-вот родиться на свет. Сегодня они – главное богатство и огромная радость для Лидии Алексеевны. Именно им она нет-нет да и расскажет какую-то историю из детства или юности. О том, как вернулся с войны отец, как отмечали дома праздники и как хорошо жить под мирным небом.

Татьяна ЖДАНОВА.

Фото из архива Лидии ЕРШОВОЙ